
Олег ВАЩАЕВ

ОХОТНИК

Памяти норильского поэта Сергея Лузана

Конец связи. Ты — «в завязке».
Как собака породы хаски,
наблюдаешь тепло, но пристально:
пуст эфир, только эхо выстрела.
Слово — пуля. Твое — в Истории.
Но вернется. По траектории.
Потому, что *всё* возвращается.
Потому, что жизнь не кончается.
После смерти поэту пишется
пуще прежнего — легче слышится.
В нос — ни грамма, в душу — ни сантимента.
Работаем до последнего клиента!

* * *

Свет, согревающий вслед за дождем,
площадь Сан-Марко.
Благостно утром, радостно днем.
Ночью не жарко.
Если пропустишь этот момент —
он повторится.
Tenga il resto, cameriere.
Кьянти и пицца.
Звук появился — Чаплин исчез.
Время такое.
Днем — черно-белое. Ночью — процесс.
Утро — цветное.

* * *

В путешествии «связь» дорожает,
исчезает налет суеты.
По дороге, пока провожают,
ангел с грустью глядит с высоты.

Олег Александрович Ващав родился в 1970 году в Норильске. В 1998 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького, поэтический семинар Евгения Борисовича Рейна. Публиковался в журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Север» (Петрозаводск), «День и ночь» (Красноярск) и др. Живет в Санкт-Петербурге.

НЕВА 10'2019

А потом опускается рядом,
 мягко под руки и — унесет.
 Не увидите, значит, не надо.
 Piano, piano, всему свой черед.
 То, что случай быстрее расчета, —
 это верно, но счетчик — включи.
 Существуют судьба и свобода —
 разводные по жизни ключи.
 «Прогони» прикипевшие гайки,
 чтобы легче дышала резьба.
 Не лишают прогулки и пайки?
 А не это ли счастье раба?
 Воспитание чувств по Флоберу —
 воспитание сердца — виной.
 Не согласен на высшую меру —
 так хотя бы не стой за спиной.

* * *

Бирюзово-лазурный танец, а на похороны — халва.
 Это Турция, чужестранец. Если что, выбирай слова.
 Мусульманок в надежных бурках «поливают» на все лады.
 Что известно тебе о турках, чужестранец? Алаверды.
 Все понятно в немом укор, дважды два или пятью пять.
 Ляг у берега, слушай море. Море знает, о чем сказать.
 Будь помягче, нащупай жилку. Проясни для себя Коран.
 Постарайся не лезть в бутылку. Здесь не принято, есть кальян.
 А мороженое какое! Отдохнут Петербург и Минск.
 Тает медленно, слой за слоем, карамельный тягучий микс
 шоколада и свежих сливок. Это вам не фруктовый лед!
 Не забудь про арбуз и сливы. Не торгуйся, и так сойдет.
 Снова будешь ли здесь? едва ли? Обязательно пожелай.
 Брось монетку на морвокзале и давай, дорогой, давай!

МЯКИШ

Утки ныряют и жадно пьют, пузыри вокруг и круги.
 Ловят кого-то, ищут, зовут: «га-га» говорят, «ги-ги».
 Голуби рядом, и чайки здесь. Ждут, когда человек
 хлеб разломит и даст поесть, добрый их человек.
 Водой не обманешь пустой живот. Подгребай, налетай, не спи.
 Тот, кто успел, обратно плывет. Пропусти его, не шипи.
 Обратный, он же победный след, похож на латинский знак.
 Знак, которому равных нет, символ торгов и драк.
 Влейся в поток, зацепи чуток и еще поживи.
 Когда в душе человека — Бог — хватит на всех любви.

* * *

Стихи для поэта в застойные годы —
язык его тайной личной свободы.
Гармония слова сжата в размере.
Поэт, как святой, в исключительной вере.
В ритмах и метрах душевной картины —
движется к Богу в рамках доктрины.

* * *

Интроверту, зачем по душам разговоры?
Интернет для него как магнит.
Заходи, и откроется «ящик Пандоры».
Ждать не нужно — сейчас «прилетит».
Как на крысу реакция Гамлета, в стиле:
так и быть, пропадай, золотой!
Раньше крымскому хану «поминки» платили
за мирской и церковный покой.
Силовик оборзел, отшатнулся сановник.
Имиджмейкеры держат фасон.
Голосуют — за всех — вахтовик и надомник,
и грядет сериальный сезон.
Карнавал-маскарад, безобразная лажа.
Нахватались чужого дерьма.
Бутафория крутится у Эрмитажа,
а вокруг — долговая тюрьма.

* * *

Руки, ноги холодные. Обкололи, подумали — сердце.
Защемило, зажало, тридцать девять, внезапный озноб.
Вольтареном и но-шпой, самогоном с корицей и перцем.
Довезли, донесли до «Покровки», фактически в гроб.
— Не сгущай... Отпустило? — Почти. Воспаление легких.
Пневмония — не редкость, осмысли и дальше иди.
Инстинктивная сила терзает упертых и ловких.
Человечных — особо. Поэтому, в оба гляди.
— Эпидемия, вирус? — Тщеславие. Зависть и гордость.
«Никогда и никто, только я, только так, не по мне...»
Скоро «крышу» снесло, захватило под самое горло,
будто взяли за жабры, и демон прижался к спине.
Знаешь, холодно было, так холодно, что бесполезно
показалось стараться. Что толку, искра пропадет.
А тепло не иссякло! Объятое пламенем сердце
раскачалось, пылает. И кровь до всего достает.